

О задачах, методе и построении исследования

Цель настоящего исследования мы видели не в том, чтобы пытаться осветить русский символизм как явление историко-литературное в традиционном смысле этого понятия. Традиционный научный историко-литературный подход к определенным школам, направлениям или стилям, если исследователь ставит перед собой задачу вскрыть закономерности их возникновения и развития, т.е. ответить на сакраментальный вопрос почему в данный период времени и в данном культурном регионе могло возникнуть и возникло то или иное литературное явление и почему оно жило и развивалось именно так, как оно жило и развивалось, а не иначе, но в то же время не рассматривает историю литературы как историю развития идей, как показывает опыт, неизбежно "выводит" исследователя, не потерявшего из виду свою задачу, в социологию, в политику и идеологию, в психологию, в философию, в теологию, в лингвистику и т.д., т.е. в области общественной жизни и культуры, в лучшем случае смежные с литературой как таковой, в области, имеющие свою специфику, и хотя бы уже поэтому не предназначенные для того, чтобы искать в них ответов на поставленные вопросы.

Цель нашей работы мы видели также и не в том, чтобы как можно полнее выявить специфику поэтики и эстетики русского символизма (или символизма вообще) как феномена искусства, исследуя его в разных аспектах и описывая либо на уровне исторической поэтики и эстетики, либо изъяс из литературного процесса и рассматривая как некую "монаду", поскольку, как

мы полагаем, поэтика и эстетика русского символизма в своих существенных чертах описаны достаточно полно в работах тех исследователей, которые ставили перед собой задачи такого рода (ценные достижения этих исследований мы постарались во-влечь в данную работу). Что же касается оттенков и нюансов, то ввиду богатства самого материала, множественности аспектов, методов исследования, их бесконечной вариативности и, не в последнюю очередь, изобретательности исследователей, процесс их выявления никогда не может быть завершен.

Цель данной работы мы видели в том, чтобы, прежде всего, сделать попытку ответить на вопрос почему возникновение русского символизма было возможно и закономерно, не прибегая ни к каким смежным дисциплинам, оставаясь как бы внутри литературного процесса, который мы рассматриваем как процесс запечатления в специфических художественных формах жизни идей, их истории.

Насколько мы можем судить, работ о русском символизме, ставящих исключительно такую задачу и интерпретирующих в свете истории развития мысли сам феномен русского символизма, определяющих его программу, проводящих с точки зрения представительства этой программы отдельными художниками водораздел между разными ветвями внутри символизма, а также между разными художниками-символистами, и рассматривающих эстетику и поэтику русского символизма в их функциональном аспекте, пока не существует. Что же касается работ на другие темы, то в качестве одной из первых, хотя и очень несовершенных, попыток интерпретировать литературные явления в свете истории

развития мысли мы должны отметить книгу Андреевича "Опыт философии русской литературы" (Московское отделение государственного издательства. 1922 год)⁺. "Философия литературы, — пишет в предисловии автор, поясняя непривычное заглавие своей книги, — означает рассмотрение ее господствующей идеи или воли (стремления), в которых определились ее особое лицо и характер, а также ее жизни в необходимом развитии". Целью этой работы он считает анализ русского литературного процесса в свете основной идеи или стремления литературы, т.е. выступает с запросом ее освещения в свете истории развития мысли. Однако, автор, во-первых, в качестве господствующей идеи, определяющей лицо русской литературы, начиная с середины XVIII века, рассматривает идею освобождения "личности и личностного начала", которая является, на наш взгляд, лишь частным случаем более общей идеи индивидуальной полноты, индивидуального совершенства — идеи европейского Ренессанса. Во-вторых, личность в русской литературе в представлении автора вела борьбу за свободу не потому, что ощущала давление и гнёт такого неотделимого от человеческого существования явления, как практика (а начиная с середины XIX века и непроницаемость практики для личностно-индивидуальных усилий), массовое существование (что делало такую борьбу воистину проблематичной, инспирируя поиск универсальных решений), а потому, что ее свобода была ограничена властью государства. Это послед-

⁺ Первое издание книги Андреевича — псевдоним Евг. Соловьёва — увидело свет в 1905 г.

нее, "социологическое", допущение приводит автора к абсолютизации освободительной идеи личности и личного начала, к догматизму, не совместимому с историческим мышлением.

Наше исследование ориентировано на работы А. Фейера, рассматривающего явления литературной (и шире - культурной) жизни с подлинным историзмом, в свете истории укорененных в культуре идей (мировоззрений, представлений о мире, картин мира), их генезиса, расцвета, ущерба и смен. Проведенное в этом разработанном А. Фейером аспекте исследование русского символизма, поскольку это явление литературной жизни в таком плане еще не освещалось, мы причисляем к "опытам", к первым попыткам такого рода, и считая цель исследования оправданной, а метод единственно-адекватным для осуществления поставленной цели, отнюдь не претендуем на полноту охвата многочисленных проблем, богатейшего материала, который предоставляет русский символизм для исследователя. В то же время мы стремились к тому, чтобы вовлечь в круг внимания основные, существенные проблемы, связанные с русским символизмом и с творчеством его репрезентативных представителей - теоретиков, поэтов и прозаиков.

Жанр "опыта" интерпретации русского символизма в свете истории развития мысли во многом предопределил построение работы и выбор источников. В первом разделе, состоящем из двух частей, содержится, во-первых, изложение концепции, из которой вытекает определение символизма, различий между двумя поколениями русских символистов, а также и между двумя ветвями внутри поколения старших символистов, а во-вторых, - по

необходимости бегло - дается интерпретация некоторых основных особенностей символистской эстетики и поэтики в свете предложенной концепции. Последующие девять глав, посвященные творчеству отдельных художников-символистов, в определенном смысле носят "иллюстративный" характер, т.к., с одной стороны, они призваны к тому, чтобы представить различные модификации русского символизма (декадентство, волюнтаристски окрашенный символизм т.н. старших символистов, мистический символизм "соловьевцев"). С другой же стороны они преследуют задачу продемонстрировать те возможности интерпретаций конкретных художественных произведений, которые открываются при применении предложенного метода исследования.

Во избежание школьного схематизма мы стремились по возможности дифференцированно подойти к творческому наследию отдельных художников-символистов, учесть особенности позиций, своеобразие личности, таланта. Поэтому в одних случаях прослеживались этапы творческого пути художников, в других - лишь определенные, наиболее характерные или значительные творческие периоды, иногда же рассматривались лишь наиболее существенные и неизменные константы творчества.

Поскольку для символизма была характерна "лирическая установка" и все художники-символисты были поэтами, в центре нашего исследования стоит лирика. Однако, в ряде случаев мы обращались и к прозе русских символистов, и к их теоретическим работам, а иногда, если эта часть их творческого наследия оказывалась намного более интересной, чем лирика, только к прозаическим опытам и теоретическим работам.

Ввиду того, что предложенное в настоящем исследовании освещение русского символизма в свете истории развития мысли не является традиционным, мы указали в примечаниях и библиографии в подавляющем большинстве случаев лишь те оказавшиеся в кругу нашего внимания работы русских и зарубежных исследователей символизма, а также работы общелитературного и общекультурного характера, которые, хотя и не непосредственно, все же касаются вопросов, представляющих интерес с точки зрения нашей темы и метода ее разработки. Следует отметить, что поскольку эти работы, за исключением исследований А. Фейера, лишь касаются тех проблем, которым мы придаем основополагающее значение, мы не могли ни по-настоящему опереться на них, ни даже сколько-нибудь серьезно и глубоко полемизировать с ними.